

М. ГОРЬКИЙ

О «карамазовщине»

После «Братьев Карамазовых» Художественный театр инсценирует «Бесов» — произведение еще более садическое и болезненное. Русское общество имеет основание ждать, что однажды господин Немирович-Данченко¹ поставит на сцене «лучшего театра Европы» «Сад пыток» Мирбо², — почему бы не показать в лицах картины из этой книги? Садизм китайцев патологически интересен для специалистов, наверное, не менее, чем русский садизм.

Не будем говорить о том, что еще недавно «Бесы» считались пасквилом и что произведение это ставилось многими из лучших людей России в один ряд с такими тенденциозными книгами, каковы: «Марево» Ключникова³, «Панургово стадо» Вс. Крестовского⁴ и прочие темные пятна злорадного человеконенавистничества на светлом фоне русской литературы.

Очевидно, господин Немирович знает, что есть публика, которой забавно будет видеть неумную карикатуру на Тургенева в годовщину тридцатилетия его смерти и приятно посмотреть на таких «дьяволов от революции», каков Петр Верховенский, или на таких «мерзавцев своей жизни», каковы Липутины и Лебядкины; ведь, глядя на них, очень легко и удобно забыть, что есть люди честные, бескорыстные, а несомненно, что ныне многие нуждаются в этом забвении, и вот Художественный театр послужит этой нужде — поможет дремлющей совести общества заснуть крепче.

Но оставим в стороне вопросы совести, а клевету и злые карикатуры сотрет история, — станем говорить о социальной пользе инсценировки «Бесов».

Меня интересует вопрос: думает ли русское общество, что изображение на сцене событий и лиц, описанных в романе «Бесы», нужно и полезно в интересах социальной педагогики?

Неоспоримо и несомненно: Достоевский — гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжкой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и — противоположность ее — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства, однако, рисуясь им пред всеми и пред самим собою. Был нещадно бит, чем и хвастается.

Главный и наиболее тонко понятый Достоевским человек — Федор Карамазов, бесчисленно — и частично, и в целом — повторенный во всех романах «жестокоталанта». Это — несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего — болезненно злая: душа Ивана Грозного, Салтычихи⁵, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего насмерть беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же отдал ее насиловать толпе хулиганов.

Очень искаженная душа, и любоваться в ней — нечем.

Может быть, она ищет некий стержень — прочное основание, которое укрепило бы, кристаллизовало, оформило ее, и потому бунтует, все разрушая, все грязня? Но грязью, мучительством, кровью не залечить своей раны, и пока эта безумная душа ищет себе стержня или наказания, — сколько она — попутно в монастырь или на каторгу — прольет в мир гнилого яда, сколько отравит детей и юношества!

Достоевский — сам великий мучитель и человек больной совести — любил писать именно эту темную, спутанную, противную душу. Но все мы хорошо чувствуем, что Федор Карамазов, «человек из подполья», Фома Опискин, Петр Верховенский, Свидригайлов — еще не всё, что нажито нами, ведь в нас горит не одно звериное и жульническое! Достоевский же видел только эти черты, а желая изобразить нечто иное, показывал нам «Идиота» или Алешу Карамазова, превращая садизм — в мазохизм, карамазовщину — в каратаевщину. Платон Каратаев, как и Федор Карамазов, живые, по сей день живущие вокруг нас люди; но возможно ли существование народа, который делится на анархистов-сладолюбивых и на полумертвых фаталистов?

Очевидно, что не эти два характера создали, и хотя медленно, а все-таки развивают культуру России.

Почему же внимание общества пытаются остановить именно на этих болезненных явлениях нашей национальной психики, на этих ее уродствах? Их необходимо побороть, от них нужно лечиться, необходимо создать здоровую атмосферу, в которой эти болезни не могли бы иметь места.

А у нас показывают гнойные язвы, омертвевшие тела, заставляя думать, что мы живем среди мертвых душ и живых трупов.

Никто не станет отрицать, что на Русь снова надвигаются тучи, обещая великие бури и грозы, снова наступают тяжелые дни, требуя дружного единения умов и воли, крайнего напряжения всех здоровых сил нашей страны, — время ли теперь любоваться ее уродствами? Ведь они заражают, внушая отвращение к жизни, к человеку, и — кто знает — не влияла ли инсценировка Карамазовых на рост самоубийств в Москве?

Несомненно также, что русское общество, пережив слишком много потрясающих сердце драм, утомлено, разочаровано, апатично. Температура нашего отношения к действительности, к запросам жизни — сильно понижена.

Среди условий, понижающих ее, немалую роль сыграла пропаганда социального пессимизма и возвращение к так называемым «высшим запросам духа», которые у нас, на Руси, ничего не внося в этику, не улучшая наших отношений друг к другу, являются только красноречием, отвлекающим от живого дела. Возникновение этих отрывков прошлого объясняется тем, что Русь, к сожалению, больше, чем другие, жила под гнетом церковного и богословского воспитания. Вот почему Гоголь только тогда здоров и деятелен, когда его волю и воображение направляет европеец Пушкин, человек, знающий прошлое своей страны, но не отравленный им.

Пред нами — огромная работа внутренней реорганизации не только в социально-политическом смысле, но и в психологическом. Мы должны тщательно пересмотреть все, что унаследовано нами из хаотического прошлого, и, выбрав ценное, полезное, — бесценное и вредное отбросить, сдать в архив истории. Нам больше, чем кому-либо, необходимо духовное здоровье, бодрость, вера в творческие силы разума и воли.

Мы живем в стране с пестрым населением в 170 миллионов людей, говорящих на полусотне языков и наречий: наш нищий народ выпивает водки почти на миллиард ежегодно и — пьет все больше.

Не здесь ли один из источников все растущего хулиганства, которое — в существе своем — та же карамазовщина?

Пора подумать, как отразится это озеро яда на здоровье будущих поколений, не усилит ли дикое пьянство — темную жестокость нашей жизни, садизм деяний и слов, нашу дряблость, наше печальное невнимание к жизни мира, к судьбе своей страны и друг ко другу?

И вот, в интересах духовного оздоровления, необходимо, как мне кажется, определить социально-воспитательное значение тех идей, которые Художественный театр предполагает показать нам в образах. Нужно ли это увечное представление? Я уверен, что — нет.

Это «представление» — затея сомнительная эстетически и безусловно вредная социально.

Рабски следуя за Художественным театром, театр Незлобина инсценирует «Идиота», тут тоже есть чем полюбоваться, например: агонией туберкулезного Ипполита, эпилепсией князя Мышкина, жестокостью Рогожина, истерией Настасьи Филипповны и прочими поучительными картинками всяческих болезней тела и духа. Не надо забывать, что на сцене театра не так ясны мысли автора, как жесты, и что роман Достоевского, оголенный купюрами, примет характер сплошной нервной судороги.

Я предлагаю всем духовно здоровым людям, всем, кому ясна необходимость оздоровления русской жизни, — протестовать против постановки произведений Достоевского на подмостках театров.

* * *

Эта заметка вызвала протест со стороны довольно значительной группы литераторов; протест был напечатан в вечернем издании «Биржевых ведомостей» и сводился к обвинению меня в том, что я пытаюсь установить цензуру общества над свободой художника. Следующая моя заметка является ответом на протест литераторов.

Еще о «карамазовщине»

Мой призыв к протесту против изображения «Бесов» и вообще романов Достоевского на сцене вызвал единодушный отклик со стороны господ литераторов, более или менее резко выразивших порицание мне. Один из сторонников Достоевского, господин Горнфельд, указал даже, что: «Противники Горького перегнули палку в противоположную сторону: появились уже гаденькие слова о какой-то творимой им цензуре».

Слова действительно лишние и, на мой взгляд, весьма постыдные для тех, кто их придумал.

Но суть дела не в отношении ко мне лично того или другого лица, — это никому не интересно; суть в том, что все высказавшиеся против меня отрицают за обществом его право протестовать против тенденций и явлений, враждебных росту человечности в обществе.